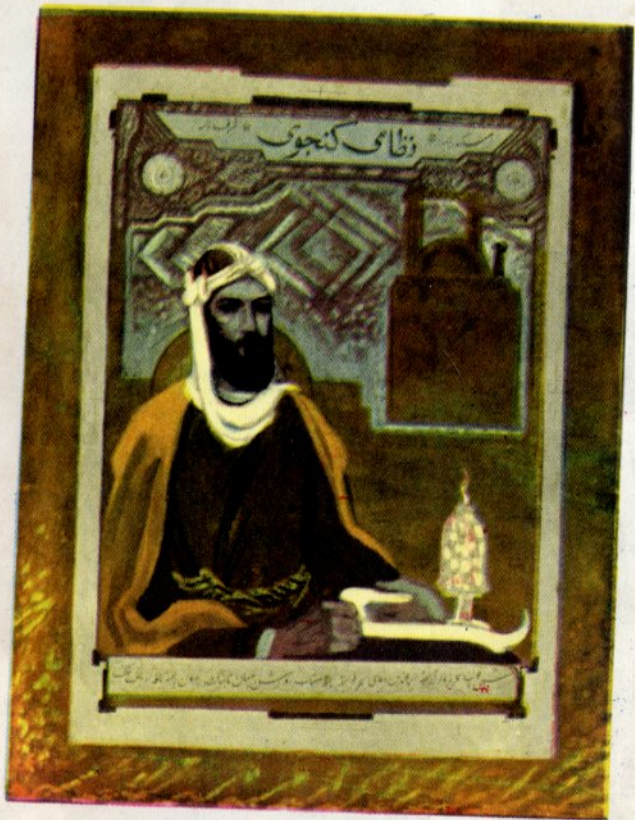

Aboli

हुजामु

Ҳузам Ҷағдоҷеви

Лирика

Дирекцияи Ҷамоати Республикавии

Ҷамоати Ҷамоати Ҷамоати Ҷамоати

Ҷамоати Ҷамоати Ҷамоати Ҷамоати

Ҷамоати Ҷамоати Ҷамоати Ҷамоати

Ҷамоати Ҷамоати Ҷамоати Ҷамоати

Ҷамоати Ҷамоати Ҷамоати Ҷамоати

Ҷамоати Ҷамоати Ҷамоати Ҷамоати

Ҷамоати Ҷамоати Ҷамоати Ҷамоати

ГАЗЕЛИ

О луна, скажи, чьим гостем ты с твоей красою станешь?
Знаменьем красоты кому ты, посланным судьбою, станешь?

Голова твоя покрыта сенью царственной из амбры.
С черной сенью, чьим султаном ты ночной порою станешь?

Ты сладка, с тобою рядом тростниковый сахар — горечь.
О грабительница сердца, где ты не чужою станешь?

Ночь темна, но путь мой светел, лишь боюсь дурного глаза.
Ты родник. Во мраке этом жей живой водою станешь?

Ты уходишь. Дух мой тоже хочет прочь уйти от горя.
Болен Низами. Целебной ты кому травой станешь?

Во влюбленных, как во львов, взором мечешь стрелы ты.
Тех, в ком львиные сердца, дней лишаешь смело ты.

Целясь стрелами ресниц, не спускаешь тетивы.
Диво! Не пустив стрелы, сердце мне задела ты.

Я, увидевши твой лик, власяницу разорвал.
Лишь похмелье — не вино — шлешь мне без предела ты.

Жду чего я? Раздробить сердцем каменным своим
Сердце хрупкое мое, верно, захотела ты.

Зачем ты пляшешь на ветру, изменчивое пламя?
Будь благовоньем на пиру и уследи на миг!

Не смоль волос вокруг чела — тугры крылатый росчерк.
Я раб, султаном ты пришла, — так награди на миг!

Я всю ночь не сплю, мечтаю: будь хоть ночь со мною ты.
Не захочешь — снова сердце наградишь тоскою ты.

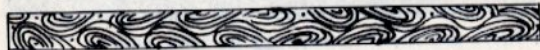
Ты других ласкаешь нежно, и глаза твои — нарцисс,
На мою звезду посмотришь колкою травой ты.

Дружбой хвастаешься дерзко с тысячьо врагов моих
И меня стыдишь пред ними, о создание злое, ты.

Постучись в согласия двери, будь хоть день в ладу со мной,
Не страшны враги мне, если ласкова порою ты.

Ты куда летишь, как птица? Как тебя мне разгадать?
Нет, не поймана ни глазом, ни моей душою ты.

Город весь тебя желал бы, не один лишь Низами,
Но лишь только Ахситана обняла рукою ты.

За тобою влекущийся, я смертельного края достиг
Меч разлуки костей моих, их легко раздробляя, достиг.

На пути твоих прихотей сердце стало харчевней скорбей,
Не один караван ее, прах в пути поднимая, достиг.

Сквозь года многобурные жизни нашей играющий чели,
— О беда, о отчаянье! — берега, груз свой теряя, достиг.

Птица, сети порвавшая, разве в сети вернется опять?
Жизни канувшей молвишь ли: вновь тебя я, былая, достиг?

Не ценил наши встречи я, блага я не ценил потому,
Что я блага негаданно, ожиданья не зная, достиг.

Гнет страсти мне в сердце — ведь сердце мишень — вошел.
Мой крик в небеса, сквозь лазурную сень, вошел.

Нет, мне не забыть ноготка на руке твоей!
Нож в сердце мое — мучить милой не лень — вошел.

Что толку скрывать в этом мире любовь к тебе!
В тот мир уж давно слух о ней, словно тень, вошел.

Мой дух за тобой с караваном хотел брести.
Да снова в свой дом — за ступенью ступень — вошел.

Ты молвила мне: «Низами, я приду». Спеши!
Судьбою назначенный, в горницу день вошел.

Я полюбил тебя. Куда теперь шагнуть?
Путь праведный избрать или позорный путь?

Пока жива душа, живешь в моей душе.
А если мне не быть, то ты на свете будь.

Из-за любви со мной враждуют города,
Раз не прощаешь ты, простит ли кто-нибудь?

С протянутой рукой твой локон стерегу,
Забытого бежать и презирать забудь.

О, пусть никто, как я, не будет без тебя.
Не я проник к тебе: тоска проникла в грудь.

Тоскую о красе твоей, о взоре о едином.
Я раб тебе, кому ж еще стал взор твой господином?

О лице, об устах твоих — свидетели глаза твои:
Коль ты свидетель и истец, не отыскать судьи нам.

Молю, непонимающим не открывай красоты своей:
Ревную я и к зеркалу по явственным причинам.

Ты мускус. Ветер утренний не проникал до тайн твоих.
Кудрей твоих не треплет он, гуляя по долинам.

Вода, сердца поющая, с твоей стремится улицы.
И день и ночь разбой идет вдоль по твоим тропинам.

Знай: чудо красоты твоей — души моей владыка.
Как будто вся краса земли — в одной тебе, великой.

Дай ласку мне отрадную, о, поцелуй уста мои, —
Я ниц, мне от тебя нужна хоть малая толика.

Спросил я: «Сердце где мое?» Ответствует лукаво:
«А там, где не найдешь его, и в том любви улика».

Я неустанно слезы лью, пощады я твоей молю:
«Не мой ты рук в моей крови», — но нет, не слышишь крика.

Что говорить перед людьми, как сильно любит Низами,
Когда прекрасней сердца нет и нет прекрасней лика?

Но если шах Кызыл-Арслан тебя про ласку спросит,
Что государю своему ответишь ты, скажи-ка?

Мир покаянья моего разрушен вновь огнем любви.
Вновь разговеться мне пора несмешанным вином любви.

Кумиром сердце зажжено, чье имя вечное Зухра, —
И солнце силы лишено пред нежным божеством любви.

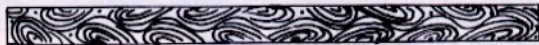
Хоть искра падает любви в любое сердце, назови
Жаркое, что тебе милей, чем сердце под ножом любви?

Твой глаз намеком мне сказал, сказал: «Твоя — но потерпи».
Аллах! Я терпелив, но жизнь идти спешит путем любви.

Пускай охотится на всех газелеюких, но меня
Разит ее очей газель, едва забудусь сном любви.

Она вольна меня карать, о, пусть измучает меня,
Но лишь не прогоняет прочь, не замыкает дом любви.

Хоть грех великий — без вины разить таких, как Низами,
Пускай разит, пускай разит, когда я стал рабом любви!

Спешу, о, спешу без тебя умираю!
Мне помощь подай, — без нее пропадаю!

В крови мое сердце, стенаю в разлуке:
Свиданья! Тоска! Часа встречи не знаю!

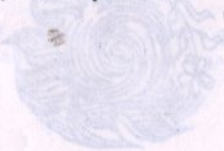
Уж раз ремесло твое — быть музыкантом,
Я звуков высоких и низких желаю.

Басмой лук бровей не натягивай грозно
До самых ушей! Шли стрелу! Ожидая.

Ты знаешь, что жить без тебя я не в силах.
Ты жизнь мою хочешь, бери же, — бросаю!

Я вижу: удачи я жаждал напрасно, —
Я вздохом последним тебя призываю.

Тебе Низами отдает свою душу,
Прими — как страдания я принимаю.

О, день мой счастливый: я видел лица твоего овал!
О, рок мой, он благосклонен: я твой аромат вдыхал.

Я господа славословлю, о, пламень очей моих,
К ногам красоты сегодня взор мой счастливый упал.

Противоядь — свиданье! Два мира ему цена.
Губительный яд разлуки испробовал я, узнал.

Кто хоть однажды взглядом окинет красу твою,
Не скажет, что я понапрасну тебя для любви избрал.

Как вырвать теперь из сердца, о друг мой, любовь к тебе,
Ведь с жизнью и с телом вместе я эту любовь впитал.

Душа аромату свиданья возрадовалась давно,
Но время прошло, я в ключья рубаху в тоске порвал.

С пылающим кровью сердцем все это сказал Низами,
О, день мой счастливый: я видел лица твоего овал!

Спать не стоит! Станем лучше веселиться до утра!
Этот сон в другие ночи мной продлится до утра.

То к тебе прижму я веки, то тебя душою пью,
Чтоб тебе вот в этом сердце поселиться до утра.

Ты дитя, миндальноока, сахар — твой красивый рот.
Пьяным люблю снедью этой усладиться до утра.

До утра вчера в разлуке руки горестно ломал.
Ночь — и я в венце, и розам не развиться до утра.

Жизнь свою тебе я отдал. Вот рука, и весь я твой.
Дважды шесть! И в надрах счастье нам сулится до утра!

Ты склони свой зульф смиренно и до полночи целуй.
Растрепи, как зульф, смиренье, — винам литься до утра.

К Низами стихам склоняйся! Что кольцо в твоём ушке
До кольца дверного! Кто-то пусть стучится до утра!

Дивен аромат кумира. Лишь ко мне повеет он, —
Как Иса животворящий, душу мне согреет он.

Взор мой — словно взор Якуба, обоняющего ткань,
Что Юсуфа облакала: под слезой светлеет он.

Зульф кумира благовонем наполняет вешний сад,
Насыщать рейхана вздохи сладостью умеет он.

Под его дыханьем роза разрывает свой наряд;
На жасмин взгляни: красуясь белой шапкой, млеет он.

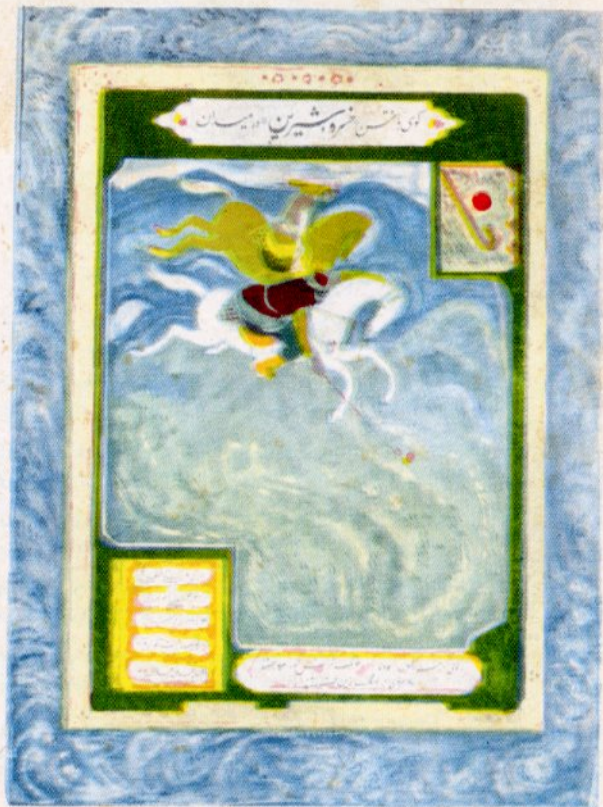
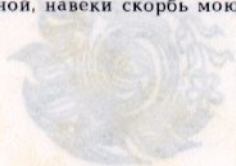
Жизнь в мои вдыхает члены черных прядей аромат
Поутру, когда, как мускус, надо мною реет он.

О моем кумире грежу. Ах, когда-нибудь меня,
Разлучившегося с сердцем, — верю! — пожалеет он.

Если близ могилы друга друг дорогою пройдет,
С ним заговорит покойник, хоть давно уж тлеет он.

В миг свидания воскликнет благодарный Низами:
«Мой кумир со мной, навеки скорбь мою рассеет он».

Не было ей равных; скрылась, лунолика и бела.
День лица ее сияет, а в кудрях ночная мгла.

Все сердца для уст румяных — финик или молоко,
Поглощает их. Лобзая, всем им жить бы помогла.

Благочестие похитил мускусной косы аркан.
В душу сладостную тихо горькая тоска вошла.

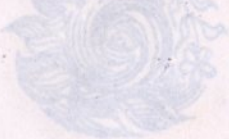
Без нее мне нет покоя, от нее мне бегства нет.
Сердце ранами покрыто. Прахом — все мои дела!

О кумир, скажи мне, где ты? Отчего ты не придешь?
Сердце тайно, сердце явно сладким взглядом отняла.

Приходи, пути не долги, знаешь улицу мою?
Ради завтрашнего утра взором тень стони с чела.

Я в томленье, в униженье от разлуки и тоски.
Если бросишь — остается мне безлюдная скала.

В сердце Низами бросаешь для чего огонь разлук?
Лишь с тоскою я сроднился, ты печаль в мой дом ввела.

Влюбленный слеп. Но страсти зримый след
Ведет его, где зрячим хода нет.

Вне страсти нам отрады не сыскать,
Есть только желчь да темень черных бед.

С полою грязной не идут к любви.
Есть у влюбленных множество примет.

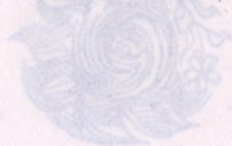
Через безумие идет их путь.
И подражателям тут места нет.

Ведь ты, когда ты любишь и любим,
Миров обоих обретаешь свет.

Покинь скорей темищу слова «я»,
Ты скажешь: «Мы», — и зацветет рассвет.

Прекрасен отдых на твоём пути,
Но и терзаний вкусишь горький цвет.

Будь праведен, коль можешь, Низами.
Для сердца светоч — праведности свет.

Дух мой кыблу изменил, в плен христианкою взят.
«Как мусульманин такой мерзостен» — люди кричат.

Идолу бросил к ногам коврик молитвенный я,
Верой и правдой служить милому идолу рад.

Я на заре у скита в дверь постучался кольцом,
Крест мне отвечивал: «Тут куща бесплотных услад».

Так я гляжу на нее, как христиане на крест;
Дивным смятением я, бывший подвижник, объят.

Стал, как Давида напев, сладостен благовест мне,
Краше мне кажется скит всех Сулеймана палат,

Солнце — кыбла ей, а мне — лик светозарный ее.
Гляньте, как дивно блестит этот чарующий взгляд!

В скит превратился мой глаз, слепо бродивший досель;
Кровью моею творить можно причастья обряд.

Явным подвижником я прожил все сорок годов,
Ныне ж открылся во мне тайный неверных собрат.

«Как, — спросил я ее, — в скит превратилась Ка'ба?»
«О Низами, — был ответ, — ищут в развалинах клад».

Другим знавала ты меня, а ты — ты лучше, чем была,
Твоя умножилась краса, моя же молодость прошла.

Я только пламя, ты Халил — что ж я не гасну пред тобой?
Нет, не умру я лишь, затем, чтоб ты из сердца не ушла.

Не по приказу ты меня, по доброте своей утешь.
Насколько можешь, будь со мной и, сколько хочешь,
будь мила.

Меня разбитым назовешь — смогу ли неразбитым быть?
Ведь облик видела ты мой, и сердце ты узнать могла.

Лишь не служение тебе стал препоясан Низами —
Ведь он для счастья двух миров желает, чтобы ты жила.

Если нас не осуждаешь, в мейхану иди скорей, —
Тут, неверию предавшись, в нарда играй в кругу друзей.

И неверный — мусульманин, коль снисходит он ко всем.
Ах, должно быть, это странно для тупых звучит ушей!

Верь мне: если нет кумира у тебя, ты обречен
Всюду быть всегда похожим на кольцо, что у дверей.

Откажись от пустословья, от вседневной суеты,
Чтоб вкусить хоть миг улады от возлюбленной своей.

Этот мир и тот — лишь тени. Позабудь о них — и ты
Станешь князем всех влюбленных, что живут в юдоли сей.

Весть! Весть о милой пришла! Что же с ней?
С той, что для сердца стрела, — что же с ней?

Чем занята, что творит, что вершит?
Глаз ее сладостна мгла. Что же с ней?

С той, что как жизнь мне моя дорога.
С той, что мне хочет лишь зла, — что же с ней?

Долгие дни я сгораю в огне.
С розой, что в росах выросла, — что же с ней?

Льет мою кровь она ловко! Скажи
С клятвой, что роза дала, — что же с ней?

Стал Низами — как Якуб, ну, а с той,
Что, как Юсуф, расцвела, что же с ней?

О кипарис с плавной поступью мой, роза скупая моя!
Я-то — весь твой, о тебе ж не скажу: «Ты не чужая — моя».

Жизнь переполнена только тобой, сердце тебе вручено.
Вот моя жизнь! Вот и сердце, а в нем страсть огневая моя.

И под мечом буду руки тянуть к локонам черным твоим.
Лишь бы, как ворот, меня обняла милая, злая моя!

Я погибаю, сгораю, спаси, я прибегаю к тебе:
Сладостный рот твой — живительный ключ, жизнь он
вторая моя.

Слушай, приди к Низами, чтоб, гордясь, голову поднял свою
Царь Ахситан — ведь ему вручена песня любая моя.

О мой кумир, сердца не дам, нет, не расстанусь я с ним!
Если возьмешь сердце мое, знаю, уйдешь ты с другим.

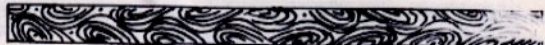
Сил уже нет, ну так зачем все угнетаешь меня?
Словно себе, сделай ты мне то, что находишь благим.

Я не Джамшид, я не богат, твой не купить поцелуй,
Вот оно, вот сердце мое! На! Насладишься ты им?

Я на пиру лишь о тебе розовой плачу водой.
Роза моя! Горек твой смех бедным колючкам моим!

Блеском небес, светом очей я называю тебя.
Слава тебе, лику луны, сахарным лалам твоим!

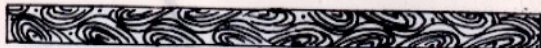
Ты рукой мне сжала сердце, жизнь влачу пустую я.
Жизнь моя к концу приходит, в верности тоскую я.

Всюду, где ты скорбь увидишь, мне ты сватаешь ее.
А тебе всегда желаю радость молодую я.

«А какой бальзам, — спросила, — нужен глазу твоему?»
— Из-под ног твоих лишь только пыль хочу седую я.

Я одежду шью, мечтая о свидании с тобой.
На тебя надеть хотел бы ризу золотую я.

Долго ль жить еще ты будешь, проливая кровь мою?
О тебе по свету славу разношу благу я.

Как безмерно я терзаюсь, милый идол, погляди
И свой черный глаз нежнее быть со мною убеди.

В зеркале свой лик увидев, тут же влюбишься в него, —
Потому меня так строго за влюбленность не суди.

Воеводе вздохов не дал я тебя громить, — меня
От разбойницы разлуки в благодарность огради.

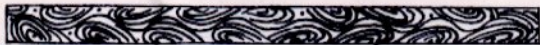
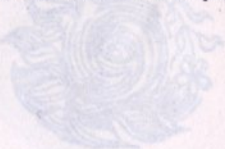
Лишь в тебе ищу опоры, но, отвергнутый тобой,
Воззову в тоске к другой я: «Защитить меня приди».

Подбородок твой — колодезь, где душа моя давно
Горестным Юсуфом страдает без спасительной бадьи.

Оттого, что в кольца вешь ты влажных зульфов черноту,
Высыхает кровь, как мускус, у меня в большой груди.

Хоть, стыдясь перед тобою, о грехах своих молчу,
Благодатный луч прощенья мне маячит впереди.

Низами рабом покорным и слугою стал твоим;
Чашей верности за службу ты его вознагради.

Впору мне груз твой! Скажешь — немолод, — пусть!
Ношу приемлю. Путь не прополот? Пусть!

Страсти, тобой мне внушенной, пью я хмель:
Яд примешан тобой в чистый солод — пусть!

Мной не гнушайся — ты мне дороже всех.
Если сердцем твоим правит холод, — пусть!

Молот против меня жизнью дан тебе,
Если жизни тобой дан тот молот, — пусть!

Жду я тебя, насытый. Жду, изнемог.
Пусть утоленьем кончится голод, пусть!

Ах, Низами, в саду твоём — соловей:
Роза цветет, шипом он проколот... пусть!

Если сперва — жертвой твоей стану я,
Духом опять — лишь захоти — вспяну я.

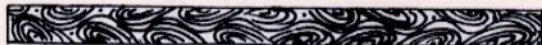
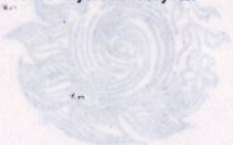
Весь я — в крови, струями слез весь омыт,
Знай — без тебя в небытие кану я.

Сердце — в бегах. Как разыскать след его?
Тщетно твоей помощи жду, вяну я.

В кожу мою втравив тавро, волю дай:
Я еще тощ — пойман тобой рано я.

Взором сверлю пряный рубин уст твоих,
В гости к тебе вздумал зайти спьяну я.

Вот — Низами печатью жжет перстень уст.
Вот — сродни этим стал Сулейману я.

В жертву тебе — бросить чего не могу?
Голову сняв — взять на ладони могу.

Дух затаив — чтобы тебя изловить, —
Сердце уняв, красться тихоней могу.

Мусор домашний твой — украсить, поверь,
Всем, что горит на небосклоне, могу.

Вечность в конюшню твою дерзнув вместишь,
Дать слуге в придачу к попоне могу.

Сделай шаг к Низами — прах от ног твоих
Я вдышать взамен благовоний могу.

Кыбла всем в широкой пустыне мирской,
Ста тысячам душ ты — желанный покой.

Ты, стан опоясав, — о стройный тростник! —
Сплела вместе с розой душистый левкой.

Мгновением каждым, живя, дорожи:
Течет наше быстрое время рекой.

Взнуздай это время — лихого коня,
Чей бег — день и ночь — безудержный такой.

Взял шахство Арслан у счастливой судьбы.
Ты шахства свою достигла рукой.

Уст раяных Египет — Юсуфа приют!
О, если б тут был Низами день-деньской!

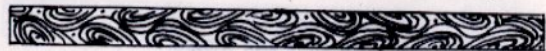

Книжка моя в кармане пустини марской.
Степям марским даю ты — марский покой.

Ты — степь марская — о степных тропинках.
Счастье марское с тобой — счастье марское.

Виноградный садик — ягода дара.
Ты — марская степь — марская дара.

Виноград — это виноград — виноград.
Ты — марская степь — марская дара.

В душе всегда базар готов для милой,
Из вздохов я соткал покров для милой.

По лалам сахарным, как сахар, таю;
Готов влачить я груз оков для милой.

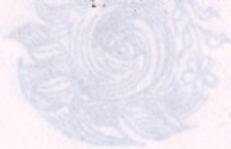
Неверная нарушила обеты,
А у меня уж нету слов для милой.

Цвет гиацинта щек ее коснулся.
И не жалеет завитков для милой.

Целую днем я дверь ее и стены,
А ночью рву кошницы снов для милой.

Друзья, на помощь! Яростны нарциссы,
И раны сердца — лишь улов для милой.

Вот как ждала тебя, мой друг,
И вот как ждала тебя, мой друг,
И вот как ждала тебя, мой друг,
И вот как ждала тебя, мой друг.

И вот как ждала тебя, мой друг,
И вот как ждала тебя, мой друг,
И вот как ждала тебя, мой друг,
И вот как ждала тебя, мой друг.

И вот как ждала тебя, мой друг,
И вот как ждала тебя, мой друг,
И вот как ждала тебя, мой друг,
И вот как ждала тебя, мой друг.

Любовь пришла, чтоб день мой угасить,
Хочу тоску по степи разгласить.

Я в бой вступил на улице твоей,
Оружье смуты должно мне носить.

Не вижу милосердия в тебе,
Иль глаз мой слеп? Тебя ли мне винить?

Закон любви установил не я,
Зачем ты хочешь кровь мою пролить?

Жемчужины в глазах у Низами,
Я мог бы ими море одарить!

Дружба на равнине
И горы тогда — акы

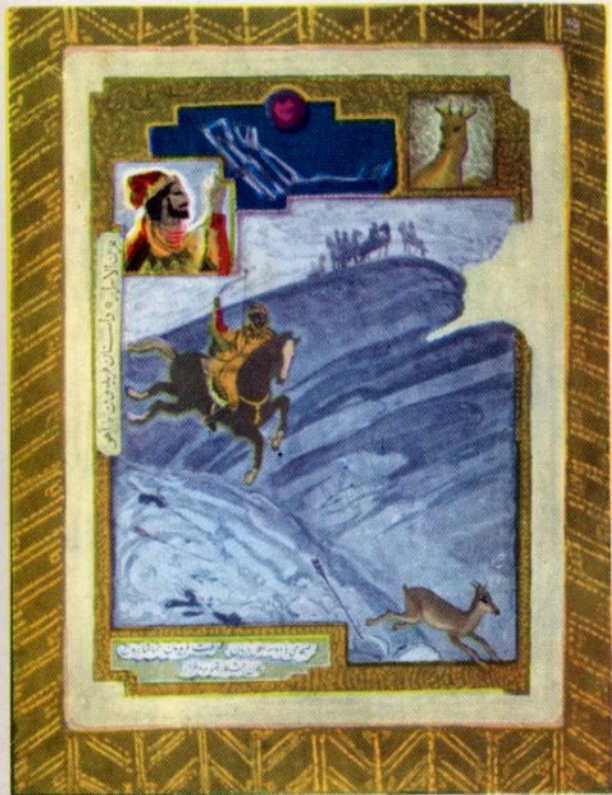
Любовь кончалась
Ходу жокку на сцене

В дом катился
Оружье смелое

Нам так не нравилось
Их игра

Земля и море
Земля и море

К ы т'

Где доблестный найдется муж, кого бы мир не гнул?
Тех, кто не мучился бы тут в цепях полона, — нет.

Хоть счастье, как невесту, мы желаем разубрать,
Но все ж убора для нее у небосклона нет.

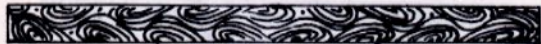
Коль так убого бытие, каким его я зрел, —
То нет в нем света, ничего в нем, кроме стона, нет.

О сердце, словно ценный клад, ты оба мира чти!
Но оба здесь они, для них другого лона нет.

Мир, что в шатре семи небес, оставь, о Низами!
То — скорпион, спасенья нам от скорпиона нет.

Ты

Ты пощади себя, сердце храни свое.
Пьяным, о друг, сердцам ты не давай его!

Взглядом задорным, верь, можно его разбить.
Пьяным, о друг, рукам ты не давай его!

Кубок, что с лалом схож, побереги, не бей.
Пьяным, о друг, устам не отдавай его!

Глянешь — отшельник тут, взор отведи скорей.
Сердце храни, Слепцам не отдавай его!

Глянешь — отшельник тут, взор отведи скорей.
Сердце храни, Слепцам не отдавай его!

Взглядом забороним, взор, можно его вразбить.
Глянешь, о драг, духом ты не давай его!

Куда, кто с взглядом схож, поберечь не бе.
Глянешь, о драг, устань от этой злобы.

Ты знакома глазу моему,
Как слеза в зрачке, сияешь ты.

Небо строит козни мне, к чему
Та игра, что затеваешь ты?

Потянуть твой докон! Раскрутить
Все препоны, что свиваешь ты.

Нам отмерен краткий миг один,
Что так медленно ступаешь ты?

КАСЫ ДЫ

Царь царей в слаганье слов я, в нем я — только совершенство.
Небо, время и пространство чувствуют мое главенство.

Бубенец великой славы — отзвук моего дыханья.
И перо бежит по миру, словно стяг завоеванья.

Кей-кобадовой короны достигаю головою,
Поднялось мое величье над гурхановской парчою.

Словно звуки органа, слух моя газель ласкает.
Мысли тонкие сверкают, как вино благоухают.

Я в движенье звезд — основа, а они — второстепенность.
Я — сиянье небосвода, а не туч седая пена.

Нам отмерен краткий миг один,
Что так медленно ступаешь ты?

КАСЫДЫ

Царь царей в слаганье слов я, в нем я — только совершенство.
Небо, время и пространство чувствуют мое главенство.

Бубенец великой славы — отзвук моего дыханья.
И перо бежит по миру, словно стяг завоеванья.

Кей-кобадовой короны достигаю головою,
Поднялось мое величье над гурхановской парчюю.

Словно звуки органа, слух моя газель ласкает.
Мысли тонкие сверкают, как вино благоухают.

Я в движенье звезд — основа, а они — второстепенность.
Я — сиянье небосвода, а не туч седая пена.

В барабан не бью без толку, а забью, так свадьба будет.
Я владык не славословлю, только песни слышат люди.

Я луна, но не приемлю на себя затмений черных.
Жемчуг я без белых пятен, я из жемчугов отборных.

Люди весело смеются, если это мне желанно, —
Как в день сбора винограда почки нежного рейхана.

Если б радость не лучилась из стихов моих — жемчужин,
Кто бы пил напиток магов? Никому б я не был нужен.

Не завистник я, поверь мне, жжет моей звезды сиянье,
Как Иемена светило, сына прелюбодейня.

Разверни мой скромный свиток, дверь открой в касду эту.
Стихолобы всем в подарок понесут ее по свету.

Нет в ларце простой стекляшки, что ж я жемчуг рассыпаю?
Пуст кошель! Что ж рот жемчужной раковиной раскрываю?

Сердце, вера — все разбито, что же славы я взыскую?
Голова и ноги голы, что ж о вечности толкую.

Царь и государь! Прошу я, стань на путь щедрот со мною,
Чтоб не шел я больше рядом ни со злом, ни с мыслью злою.

Твой гарем — вот это сердце — скрой от зависти и мести.
Ангел с дьяволом ужиться никогда не смогут вместе.

Не гони меня от трона потому, что я ничтожен.
Ажи и слабости проклятой грех в меня природой вложен.

Ты прости меня, я грешен. Обласкай меня, помилуй,
Чтоб приниженность и слабость наконец сменились силой.

Все, что лишь движенью служит, сдует ветер, смоят реки.
Ты необходим для жизни — жизнь дана тебе навеки.

Сохрани ты это сердце — вот и счастье и награда.
Если ж этого не будет, мне и жить тогда не надо.

Будет Низами прощенье — вот его одно желанье.
Так ли грешен он? Опасно всем небес предначертанье.

Лишь по твоему велению я смогу быть счастлив ныне.
А придет к концу дыханье, — приведи меня к кончине.

Караван пришел в движенье. Бубенец бренчит. Пора!
Откочуй в души долину с постоялого двора.

Ведай, наш градоправитель: алчность каждому — сосед.
Но он жив, Рустем, а был им свержен див — носитель бед.

И земле с людьми уж труден стал харадж по временам,
Сочетанья звезд на небе неблагоприятны нам.

От такого сочетанья безопасность обретишь,
Если ты печать корана — нового Мехди найдешь.

Все, что не корану служит, к рукам не приторочь,
И циновку не от веры — отверни с порога прочь.

Много меж людьми различий, Из железного литья
Мы куем не как подкову наконечник для копья.

Сущность индуса, ты знаешь, связь имеет с чернотой,
Но один из них — разбойник, и надежный страж — другой.

Свет под рубищем отыщешь, он укрыт, его не тронь,
Ведь старуха в каждом доме пеплом кутает огонь.

Что султана славословить! Он ведь немощен и слаб.
Стань рабом пред властелином, перед кем и властный — раб.
Справедливость к нищим людям не забудется нигде.
Ты умрешь — она заблещет и предстанет на суде.

В страшный день суда тирану будет вся страна врагом.
Горе тем, кто унижает, — яма их последний дом.

Из ручья не пей чужого даже розовой воды.
Не ищи на чуждом хлебе даже божии следы.

Если слезы подступили, это незачем скрывать —
Лучше жемчуг драгоценный нитью тонкою вязать.

Подними с земли завесу. Ты поймешь, что каждый час
Жизнь великими играет. Это спрятано от нас.

Ты увидишь, сколько терний в славных, в блещущих венцах,
На кудрях Ануширвана горами увидишь прах.

Подожди идти к Каабе. Ты еще туда не зван.
Не тверди: к тебе иду я, — издали склони свой стан.

Серебро сияет блеском, только выйдя из камней.
Ценен лал, глубь гор покинув; был он неприметен в ней.

Увы, на этой лужайке, где согнут старостью я,
Какую еще отраду сорву с ветвей бытия!

У пальмы нет больше тени, ее опали плоды,
Плоды и листья той пальмы сломила буря беды.

Кривой небосвод, вращаясь, спешит мне выдолбить гроб —
И мне камфару пророчит снегами тронутый лоб.

Мой мускус в белом мешочке родился, хоть черен он.
Теперь же мускусом черным — мешочек белый рожден.

Две нити чистых жемчужин таил мой рот молодой,
Но небо, нити порвавши, рассыпало жемчуг мой.

Мои жемчуга, как звезды, рассыпались из ларца,
Когда восток заалевший сверкнул мне звездой конца.

Мой день окончен. Прощаюсь с развалиной этой я,
Лечу, как сова, в жилые пространства небытия.

Мой стан согнулся — и клонит к земле вершину мою, —
Затем что, тяжек плодами, в саду смиренья стою.

Я надвое перегнулся, чтобы не обагрить одежду, —
Затем что, сердце кроваво, и кровь упадет с вежд.

На лоб седые сугробы ложатся все тяжелей:
Страшусь, не рухнула б кровля непрочной жизни моей.

С горы, окованной снегом, вода свергается в дол, —
Вот так и я, омраченный, слезами весь изошел.

Истаял весь я. На землю, как тень, я упасть готов —
И я, упав, не оставляю, как тень, на земле следов.

Никто меня и не вспомнит, — затем что нет больше сил
Добраться до сердца милых и тех, кто меня любил.

Мой стан изогнулся луком — как будто сердцу грозит
Стрела последнего часа — и я укрылся за щит.

Увы! К зениту блаженства меня напрасно б влекло,
Коль в низшей точке надира сломилось мое крыло!

В саду вселенной нагими мои деревья стоят:
Плоды надежд с них сорвали каменья, буря и град.

Растенья, плод свой осыпав, челом вздымаются ввысь,
Но пальма моя согнулась, когда плоды сорвались.

Моя голова мгновенно, втянувшись, скрылась меж плеч —
Затем что страшен ей смерти мгновенно сверкнувший меч.

Глаза мои ослабели. Страшусь друзей помянуть:
Лицо умыл я слезами, собираясь в последний путь.

Ючусь в убежище скорби — затем что нет больше сил
Ступить на порог высокий дворца, где я прежде жил.

Моя последняя буква в последнем слове моем...

Давно уж белое с черным сливает усталый взгляд —
Пусть даже солнце с луною перед ним, как свечи, горят.

Жизнь прожил — что ж совершил я? Одни грехи за спиной.
Затем-то я и согнулся, страшась расплаты людской.

Коль сердце мое в тревоге, коль дрожь в руках у меня, —
На пире веселом века — как выпью чашу огня?

Смерть гостьей в дом мой явилась. Как гостью привечу я,
Коль слаще всех угощений ей жалкая жизнь моя?

Благая трапеза жизни для неба души горька:
Ведь ядом тронута сладость шербета и молока.

Жизнь вышла со мной проститься — на расстань этого дня.
Мой стан согнулся, в объятьях она сжимает меня.

Так весь я немощи полон, что трудно страх побороть:
Вот-вот рассыплется прахом моя отжившая плоть.

В пути своем спотыкаюсь, как перст ведущего счет.
Ты дивом считай, что помню, какой провожаю год.

Что воздух мне цветниковый! Что реки с чистой водой!
Исы я не жду дыханья и Хызра влаги живой.

Как туча, слезы точу я из глаз печали моей:
От них, как молния, скрылось виденье минувших дней.

Богатство юности щедрой я выронил на пути:
Теперь, сгибаясь напрасно, я силюсь его найти.

Подобна жизнь моя тени, и ей потребна стена,
Чтоб вновь, опору обретши, из праха встала она.

Взманив меня, как ребенка, на цвет, и запах, и звук, —
Душой лукавило небо, чтоб вырвать юность из рук.

Из царства радости светлой звучит к веселью призыв —
Меня ж усыпила седость, мне уши ватой забив.

Плеться за хлебом насущным, таких я полон скорбей,
Что мудрый скажет, увидев: несет зерно муравей.

Чтоб жизнь мою обесценить, ударом камня невзгод
Разбил меня беспощадно чеканщик злой — небосвод.

Мои достоинства скрылись от глаз придирчиво злых:
Теперь любые пороки — святей достоинств моих.

Высоким светом познания мечты мои зажжены —
Затем и стан мой согнулся, как дымный круг у луны.

В узлах и петлях без счета запуталась жизнь моя,
И что распутать сумею, доселе не знаю я.

Чтоб сгинул ствол моей пальмы, что ветвь над веком простер,
Согнувшись, небо вонзает мне в ногу острый топор.

И образа я не знаю, и я содержимым пуст,
Ушли они без возврата из сердца, очей и уст.

Столь грешен я, что страдальцам, кипящим в грешном аду,
Грехами буду я страшен, когда в то пламя сойду.

В саду мятежного духа стою согбенным ростком:
Я прежде высушен веком — в аду я вспыхну потом.

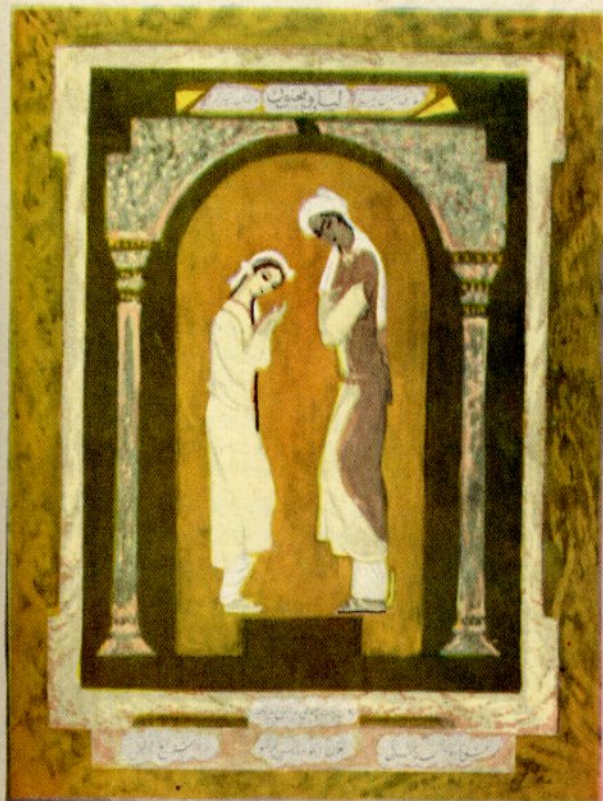
Одно лишь слово ошибки — вот все, что вещей рукой
Судьба вписала заране в житейский перечень мой.

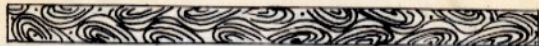
Пускай слезой покаянья то слово сотру навек —
Что нужды! Может ли спорить с судьбой своей человек?

В бесплодной тяжбе с судьбою — судьба всесильна, а я —
Всего ничтожней, что в силах душа измыслить моя.

Я жизнь в грехах уничтожил, и если буду убит —
Судьба фетвой наказания за кровь мою не отмстит.

И если выбросит искру костер страдальческий мой —
Вскипят моря небосвода от жара искры одной!

Время снять с доски игровой эту шашку³ времен,
Обе кости небосвода время выбросить вон!

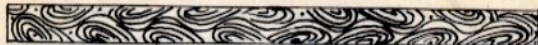
Пусть расписка дня и ночи — белый час, черный час —
Будет признана подложной на берате для нас.

Нам дают еще отсрочку, убегая, года;
Свод вращается вокруг мира, натянув повода.

Пусть бы яростно крутилось колесо тех высот:
Чем быстрее кружится жернов, тем скорей отдохнет.

.....
Дом, построенный на прахе, рассыпается в прах.

Если в бой со львом небесным бык земли устремлен,
Как провидеть: в этой схватке уцелеет ли он?

Время снять с доски игровой эту шашку времен,
Обе кости небосвода время выбросить вон!

Пусть расписка дня и ночи — белый час, черный час —
Будет признана подложной на берате для нас.

Нам дают еще отсрочку, убегая, года;
Свод вращается вокруг мира, натянув повода.

Пусть бы яростно крутилось колесо тех высот:
Чем быстрее кружится жернов, тем скорей отдохнет.

Дом, построенный на прахе, рассыпается в прах.

Если в бой со львом небесным бык земли устремлен,
Как провидеть: в этой схватке уцелеет ли он?

Горе! Труссы с песьим сердцем есть на поле любом:
Лев, боюсь я, станет трусом, станет бык храбрцом.

Не взноситься хитрой птице к башне дня голубой:
Разве мало башен стало голубиной тюрьмой?

Хызром стань: когда простишься ты с Багдадом земным,
Пусть твой шаг скользнет по Тигру, перегнется над ним.

В бога веруй: если б мир весь разлился и потек,
На ногах не отсырел бы ни один волосок.

Океаном небосвода так челнок свой веда,
Чтоб смиренье — верный якорь — пребывало в груди.

Слепнет глаз коварной эфы, лишь сверкнет изумруд,
Сатаны слабеет ухо, лишь коран запоют.

Сделай шаг прямой — достигнешь кипарисной красы:
Ведь от мускусной крупинки благовонны весы.

Годовой прильни к порогу, — ведь признают за ложь
Истину, когда впервые ты ее назовешь.

Будь же праведен, и если ненароком солжешь —
Все правдивые поверят, что сказал ты не ложь.

Чтоб узреть огонь Синяя — мало сердцем вздохнуть,
Чтоб стать Хызром славным — мало из ручья зачерпнуть!

Много соли океанской мы в пути изопьем
Прежде, чем на дне жемчужиц станет дождик зерном.

Все, что съел, отдай — подобно шелковичным червям —
И, слюной своей прославлен, будешь славен ты сам!

Помогай Другим — и многих обретешь ты Друзей.
Если ж слаб ты, — кто захочет жалкой Дружбы твоей?

Пусть бороться со страстями выйдет юность твоя:
Ведь, состарившись, в Дракона обратится змея.

Что ж, гадай: звезда удачи может в небе взойти,
Но темно влиянье неба на земные пути.

Обтекает сферу праха влага вязкой струей.
Над спящей сферой света мчится вихрь круговой.

Солнца диск похож на мыло в запредельном чану,
Чтоб стирать небесным духам их одежду белизну.

Руки я омыл от мира этим мыльным куском...

Низами! Уйди в сторонку от петли голубой,
Прежде чем она коварно захлестнет ворот твой.

Словом клад себе добудешь, ибо слово в устах —
Философский камень, в золото превращающий прах.

Ты рожден природой — дивно ль, что привержен ты к ней?
Ведь младенец неотступно льнет к родимой своей.

Если намерен разумным быть, уз не ищи ни в чем.
Разве не ведаешь: каждый царь бьет пред творцом челом.

Коль обретаешься ты в раю, не пребывай там век.
Даже от райских отречься благ должен ты, человек.

В мире Иса все искал добра. В нем не сыскав добра,
В небо вознесся, чело земли в горе пятой поправ.

Ты, что ютишься в углу жилья, видимый там едва, —
Ткущий паук ты, достигнешь ты тонкого мастерства.

В мире ты пыль всех путей вздымай ныне, как и вчера...

Тень лишь тогда, когда с ней дружна светлых лучей игра,
Сможет скитаться по всей земле с вечера до утра.

Хоть вверх ногами иди, чтоб даль вечно была нова.
Лишь как в движенье придет перо, дух наш пленят слова.

Коль ты разумен, беги сынов этих печальных дней,
Прежде чем тело твое чужим станет душе твоей.

Люди, что гули — сродни они, — что ж ты бредешь меж них?
С гуляями в дружбу кто б мог вступить в этих долинах злых?

Небо — алхимик, коварный шут, нашим очам сулит...

Что б-тут настало! Какой удел был бы всем людям дан,
Если б, алхимиком созданный, не исчезал обман.

Верности в мире искать к чему? Где у людей она?
Нету людского в людских сердцах, верность упряднена.

Нету народа, и мчится прочь вера, как в вихре пург.
Лишь имена их слышны. Сыщи, где он живет — Симург?

Тысячу раз тут готов почет, пасть все готовы в прах,
Если пред ними из церкви герб иль армянин-монах.

Есть фараон тут, его лъстецы будто бы сотни змей.
Посохом чудным их кто смирит? Где же тут Моисей?

Все позабыто, лишь хлеб ища, изредка лишь едва
Нищий влетает, челом склонясь, бога в свои слова.

Кто бы послал им желтух тоски! Небо, их жги скорей,
Зерна граната от них укрыв, адом своих огней!

Шейх уловляет людей в силки — сети со всех сторон, —
Сам, наподобье охотника, кельей прикрылся он.

Те покрывают бока коней пышным узором лат,
Чьи от диновок дырявых след спины еще хранят.

В зарослях неба, где звездный сад путано тропы вьет,
Меридиана скупая ветвь лишь пустоцвет дает.

Если б свой взор он простер вперед к будущим племенам,
Нет, не женился бы он вовек, бедный чужак Адам.

В лунном сверкании алчности, словно в проказе, люд
Плюнь и на близких, когда они этот порок несут.

К яствам скупого протягивать руку нужды — не смей!
Хоть, голодая, взалкал бы ты сердце свое, как снеть.

Пусть же конец будет горестный этому сброду дан.
Пусть будет проклят, как с тьмы времен проклятым
стал шайтан.

Да! Уж не зерна сыновних слез праху вбирать дано:
Сеет над отчей могилой сын лишь клеветы зерно.

Вся ведь земля в нечистотах всклянь, так не дивись, что вот
Полю одежд своих поднял ввысь в ужасе небосвод.

Вся в небреженье пришло вокруг — встретили б это встарь?
Даже солому к себе тянуть днесь бы не смог янтарь.

Скупость бушует. Когда бы ты задал горе вопрос,
Ждал бы напрасно, чтоб отзвук скал слово тебе принес.

Любям завидуем ныне мы, жившим до нас давно.
Страшно: нам зависть грядущим дням будет внушать дано.

Вот это люди моей земли! Ты ж, небосвод, — скупец,
К пиршеству ты пригласил бы нас, счастья б нам дал венец!

Здесь на ристалище гнета, мглы — словно разумным в мечь,
Взвившая смуты, горбатая, старица злая есть.

Тот, кто гнетет, пресекает век многих людей, — взглядишь, —
Ею обласкан, молитвенно ею приподнят ввысь.

Тем, кто пред нищим засохший хлеб в жадный зажал кулак, —
Золота слитки сует она, прячет она в кушак.

«Эй, ты! К помойке, во двор иди, мне не являй лица!» —
Молви спешащему к трапезе всякого поддеца.

Всякий подарок от алчного в глотке застрять готов.
Дай же ты скряге затрещину, не получай пинков.

Вот потому-то удел свечи пламень — он гложет, жжет,
Что с попрошайками сходна она, с той, что подачек ждет.

Труден путь, и черен мир вокруг, не гони коня среди тумана,
Бытие вези в страну души, хоть на миг спасая от изъяна.

Этих черных воронов гони ты из сада сердца своего,
Гамаюна счастья призови, — жди его, тоскуя неустанно.

Роза, ты родною стала мне, скинь же покрывало, не стыдись.
Мудрости, шербет себе налей, смело к цели двигайся желанной.

Там, где слуги духа пир вершат, не сиди с нахмуренным лицом,
Виночерпию подобен будь, в кубок лей вино струей багряной.

Ты мечтать о рае перестань, и об аде думать, друг, не смей;
На голову ада наступи, зачеркни Эдем обетованный.

Если только ты своей рукой прикоснулся к миру духа, друг, —
То престол небесный сотряси и сорви его канаты, пьяный.

Без шагов на этот путь вступи, слово то скажи без языка,
Видь, не глядя, начерти в душе лик грядущих дней
благоуханный.

Низами, такая тайна здесь, что ее не сможешь ты открыть,
Знаков этих, нет, не разъясний, бойся этой тайны несказанной.

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

(1140—1202)

В ходе многовекового культурно-исторического развития человечество всегда выделяло из своей среды людей, которые видят дальше и яснее других, которые открывают перед нами необъятные духовные горизонты. В ряду подобных титанов человеческого духа одно из самых почетных мест занимает великий азербайджанский поэт и мыслитель Низами Гянджеви, чьи бессмертные творения вот уже восемь веков составляют одну из блистательных страниц золотого фонда общечеловеческой культуры. Его вклад в сокровищницу мировой литературы и достижений человеческой мысли можно сравнить с бесценным наследием Фирдоуси, Данте, Шекспира, Навои, Пушкина.

Родился Низами в городе Гяндже (современный Кировабад), в одном из крупнейших экономических, политических и культурных центров Закавказья и всего Ближнего и Среднего Востока, где безбедно провел всю свою жизнь. Получив блестящее образование, накопив

энциклопедические познания в самых различных областях науки, обладая неиссякаемым талантом, Низами приступил к созданию своих гениальных поэм, образовавших бессмертную «Пятерицу», куда вошли «Сокровищница тайн», «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь красавиц» и «Искендернаме». Написав эти поэмы, Низами тем самым положил начало созданию подлинной художественной литературы в современном смысле этого слова. Великий художник своей волшебной кистью изобразил в своих творениях такие человеческие чувства, мечты и чаяния, которые будут живы, пока живет само человечество.

Низами обожествил прекрасный мир чистых и возвышенных стремлений, вдохновенно воспел преданную, самоотверженную любовь, предвзяв тем самым последующие произведения представителей западноевропейской литературы. Он нарисовал живые, яркие картины социальной утопии — страны, где нет ни классов, ни классовых раздоров, где господствуют всеобщее равенство, братство и счастье, где люди умирают не от болезней, а только от старости.

Творчество Низами предопределило характер дальнейшего развития литературы не только Азербайджана, но и многих народов Ближнего и Среднего Востока. На протяжении истекших восьми веков каждое из поколений воспринимало произведения поэта как художественные явления современности; герои Низами, их чувства и раздумья были близки читателям, идеи поэта находили горячий отклик во все эпохи. Любая поэма Низами — это целый мир в движении, мир, который не подвержен законам старения, — он молодеет и развивается из века в век.

По мере накопления духовных богатств в области общечеловеческой культуры расширяется сфера влияния Низами, из года в год растет круг его читателей. Ныне поэмы Низами переведены на многие языки народов мира.

РУСТАМ АЛИЕВ

СОДЕРЖАНИЕ

ГАЗЕЛИ

«О луна, скажи, чьим гостем...» Перевод Ив. Бруни	5
«Во влюбленных, как во львов...» Перевод К. Липскерова	7
«Спустилась ночи, Явись, Луна...» Перевод Н. Антокольского	9
«Я всю ночь не сплю, мечтаю...» Перевод Ив. Бруни	11
«За тобою влекущий...» Перевод К. Липскерова	13
«Гнет страсти мне в сердце...» Перевод Ив. Бруни	15
«Я полюбил тебя...» Перевод Ив. Бруни	17
«Тоскую о красе твоей...» Перевод С. Шервинского	19
«Знай: чудо красоты твоей...» Перевод С. Шервинского	21

«Мир покаянья моего...» Перевод С. Шервинского	23
«Спеши, о, спеши...» Перевод Ив. Бруни	25
«О, день мой счастливый...» Перевод Ив. Бруни	27
«Спать не стоит!...» Перевод К. Липскерова	29
«Дивен аромат кумира...» Перевод О. Румера	31
«Не было ей равных крылась...» Перевод Ив. Бруни	33
«Влюбленный слеп...» Перевод Н. Асанова	35
«Дух мой Кыблу изменил...» Перевод О. Румера	37
«Другим знавала ты меня...» Перевод В. Рождественского	39
«Если нас не осуждаешь...» Перевод О. Румера	41
«Весть! Весть о милой пришла!...» Перевод К. Липскерова	43
«О кипарис с плавной поступью мой...» Перевод К. Липскерова	45
«О мой кумир, сердца не дам...» Перевод Ив. Бруни	47
«Ты рукой мне сжала сердце...» Перевод Ив. Бруни	49
«Как безмерно я терзаюсь...» Перевод О. Румера	51
«Впору мне груз твой!...» Перевод М. Тарловского	53
«Если сперва — жертвой твоей стану я...» Перевод М. Тарловского	55
«В жертву тебе...» Перевод М. Тарловского	57

«Кыбла всем в широкой пустыне мирской...»	
Перевод С. Абрамова	59
«В душе всегда базар готов для милой...»	
Перевод О. Анненковой	61
«Любовь пришла, чтоб день мой угасить...»	
Перевод Т. Спендиаровой	63

КЫТ'А

«Где доблестный найдется муж...»	
Перевод К. Липскерова	65
«Ты пощади себя, сердце храни свое...»	
Перевод Н. Павловича	67
«Ты знакома глазу моему...»	
Перевод Т. Спендиаровой	69

КАСЫДЫ

«Царь царей в слаганье слов я...»	
Перевод Е. Долматовского	71
«Караван пришел в движенье...»	
Перевод Е. Долматовского	74
«Увы, на этой лужайке...»	
Перевод А. Кочеткова	76
«Время снять с доски игральной...»	
Перевод А. Кочеткова	81
«Если намерен разумным быть...»	
Перевод К. Липскерова	84
«Труден путь, и черен мир вокруг...»	
Перевод А. Старостина	88
Р. Алиев. Низами Гянджеви	90

Низами Г.

Н 65 Лирика. Перевод с фарси Б., Язычы, 1983 — 90 с.

В сувенирное издание включены избранные газели и касыды генерального азербайджанского поэта-мыслителя Низами Гянджеви, открывшего новую эпоху в мировой литературе. Произведения Низами Гянджеви представлены в переводах П. Анткольского, Е. Долматовского, Ив. Бруни и других.

4702060100 — 56

Н — Реш. кол. № 208 от 31/VII — 81 г.

М — 656 — 83

Низами Кәнчәви

ЛИРИКА

Бақы — Язычы — 1983

Редактор Т. Гусейн-заде.

Художник Н. Бабаев.

Художественный редактор Ф. Эфендиев.

Технический редактор В. Севоян.

Корректоры Н. Шамшура, Г. Монина.

Подписано к печати 1/III-1983 г.

Сдано в фотонабор 7/VI-1982 г.

Формат бумаги 60×90^{1/32}. Офсетная бумага.

Гарнитура литературная. Печать офсетная.

Физ. и условн. п. л. 3,0+5 вкл.

Учетн. изд. л. 1,6. Заказ № 7326

Тираж 10.000. Цены: № 7—45 коп., брош.—25 коп.

Государственный комитет Азербайджанской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

Издательство «Язычы»,

370088, Баку, проспект Кирова, 18.

Отпечатано в типографии издательства «Коммунист» с пленок, изготовленных в типографии им. 26 бакинских комиссаров.

Зак. 714/7326.

